

Три дня спустя Лу Яньпина и его спутникам объявили решение: те из учеников, кто успел достичь Возведения Основания и подняться выше, будут распределены по пикам Секты Высшего Сокровенного и сразу войдут во внутренний круг. Оставшиеся же — те, кто этой планки не достиг, — начнут свой путь заново, в качестве внешних учеников, а их дальнейшее продвижение решит время. Если же кто-то не захочет оставаться, то волен выбрать сам: попытать счастья в других школах или податься в вольные практики.

Для Лу Яньпина это решение не стало неожиданностью — он давно подготовил себя к худшему, а потому принял известие спокойно. Вот только среди остальных согласия не было: для кого-то новость стала благом, для кого-то — ударом. Тот же Хуан Вэньцзюнь и его товарищи, хоть и получили редкую возможность в одночасье сделаться адептами Секты Высшего Сокровенного, радоваться не спешили. На какой из пиков их распределят? Что ждет впереди? Будущее казалось зыбким и пугающим, а сердце точило глухое беспокойство.

Еще через несколько дней Лу Яньпин откланялся перед Истинным даосом Цинхэ и пустился в обратный путь, забирая своих людей. С ними поехали Юй Чжоу и еще несколько адептов Секты Высшего Сокровенного — им предстояло помочь с разбором внутренних дел Школы Меча Зеркального Моря и подготовить почву для перехода под новое покровительство.

Лу Яньпин всерьез опасался, что старейшины Чэнь и У воспользуются его отлучкой и выкинут какой-нибудь фокус, но на удивление все прошло тихо. Оставшиеся на месте ученики уверяли, что оба старца безвылазно сидели в своих обителях на заднем склоне горы и носа наружу не показывали.

Узнав о возвращении главы, все остававшиеся в усадьбе адепты высыпали встречать гостей. Лю Сяовань вела себя как всегда — кротко и приветливо, вот только то и дело косилась на Чжоу Иня. В ее глазах читалось смещение, она явно хотела заговорить с ним, но все не решалась.

— Будьте любезны, глава Лу, отберите пилюли и духовные камни отдельно, — заговорил Юй Чжоу. В его тоне больше не слышалось прежней надменности, уступившей место вежливой дружелюбности. — Чуть позже я установлю транспортную формацию, чтобы переправить все ценности прямиком в Секту Высшего Сокровенного. Зачем зря ноги бить и возить добро туда-сюда?

Лу Яньпин кивнул.

— Школы Меча Зеркального Моря больше нет, так что я и не глава вовсе. Не стоит меня так величать, брат Юй.

Юй Чжоу усмехнулся:

— И то верно. Отныне мы братья по ордену. Что до переписи ваших учеников — тут вам и карты в руки, брат Лу, я лезть не стану. Кто захочет уйти с вами — милости просим, двери Секты Высшего Сокровенного для них открыты. Ну а если кто решит отказаться, неволить не

станем. Секта никого не держит силой.

Пока старейшины и гости шумно обсуждали дела в зале, Лю Сяовань улучила минутку. Отозвав Чжоу Иня в тихий уголок, она, краснея и запинаясь, прошептала:

— А-Инь... Тот ядовитый сокол, которого ты оставил мне на попечение... В общем, нет его больше. Сбежал.

Чжоу Инь молча уставился на нее, ожидая подробностей. Взгляд его был ровным и невыразительным.

Лю Сяовань замялась, переводя дыхание, но в конце концов решилась выложить все без прикрас.

А началось все еще несколько дней назад.

Поначалу все шло гладко. Разумеется, в Школе Меча Зеркального Моря, натерпевшейся от набегов нечисти, к любым монстрам относились со священным трепетом и враждебностью. Лю Сяовань, видевшая бесчинства тварей своими глазами, и вовсе обходила их за версту. Но ядовитый сокол был всего лишь низкоранговым зверем, а уж внешность Чжоу Чэня и вовсе сбивала с толку. Глядя на этот пушистый серый комок, испугаться было решительно невозможно.

Сама Лю Сяовань полагала, что заботится о постояльце на совесть — по крайней мере, голодом не морила. Беда была в том, что девицей она уродилась на редкость смазливой, и отбоя от назойливых ухажеров из числа соучеников не знала. То один напросится проводить ее до лавок у подножия горы, то другой позовет полюбоваться закатом на утесе... Словом, кормить питомца вовремя у нее получалось все реже. Несчастный прожорливый Маотуань то пух с голодухи, то набивал брюхо до отвала. Предоставленный самому себе, пушистый обжора быстро растерял остатки благодушия.

Ладно еще пресная еда, ладно отсутствие Чжоу Иня, у ног которого можно было крутиться и выпрашивать ласку. Но самым невыносимым для него стало томительное ожидание. День за днем он тянул шею, всматриваясь в пустоту, но желанный силуэт так и не появлялся на горизонте.

Чжоу Инь ушел слишком давно — настолько, что в крошечной голове Маотуаня укоренилась горькая мысль: его обманули. Его просто-напросто бросили.

Обида переросла в ярость, и пушистый комок взорвался.

«Изображать послушную зверушку? Черта с два! С меня хватит!»

И вот однажды Лю Сяовань вернулась к себе. Стоило ей толкнуть дверь спальни, как мир перед ее глазами покачнулся.

Драгоценная шкатулка с украшениями, которую она собирала годами и берегла пуще глаза, валялась вверх дном. Нефритовые шпильки, подвески, заколки-буаю и серьги были безжалостно раскиданы по всему туалетному столику.

Баночки с белилами и румянами, которые ей тайком дарили вздыхающие соученики, валялись на полу. Белая пудра, желтая охра и алые притирки смешались в пестрое месиво. В воздухе стоял такой густой, удушливый аромат благовоний, что девушка тут же зашлась в кашле.

«Ограбили?» — была ее первая мысль.

«Или это та завистливая стерва Лю прокралась в комнату, чтобы напакостить?»

Она медленно, словно деревянная кукла, повернула голову к кровати.

Шелковые простыни и мягкое одеяло, которые она так аккуратно застилала, были сбиты в ком и густо засыпаны розовой пудрой. А прямо посреди этого безобразия, раскинув лапы, безмятежно дрых серый пушистый комок. Его наглая морда была сплошь измазана разноцветными румянами.

В этот миг хрупкий мир Лю Сяовань рухнул безвозвратно.

Чжоу Чэнь спал сладко и безмятежно, пока сквозь сон до его ушей не долетел пронзительный, истошный визг.

С трудом приоткрыв заспанные глазки, он увидел Лю Сяовань, которая с перекошенным от ярости лицом неслась прямо на него.

Хмель и остатки сна испарились в одно мгновение.

— И-и?! Пи-пи-пи-пи-пи!

Перед лицом смертельной угрозы в пушистом комке проснулись невиданные резервы. Подпрыгнув чуть ли не до самого потолка, Маотуань увернулся от тянущихся к нему рук, проскользнул в щель и пулей вылетел в распахнутую дверь, даже не подумав оглянуться.

Лю Сяовань душили слезы и ярость. Из уважения к Чжоу Иню она не смела пустить в ход боевую магию, к тому же на прохвосте красовался защитный талисман, оставленный хозяином — против него простейшие чары вроде техники обездвиживания или призыва предметов были бессильны. Но оставить все как есть? Глядя на разоренную опочивальню, Лю Сяовань едва не

плевалась кровью от злости. Ей хотелось лишь одного: поймать эту паршивую птицу и сварить из нее суп.

Ее сокровища, собиравшиеся годами румяна, платья...

Сердце девушки исходило кровью.

В итоге все адепты Школы Меча Зеркального Моря, оставшиеся в усадьбе, удостоились чести созерцать незабываемое зрелище.

Жирная, круглая серая тушка неслась во весь дух, развивая скорость, совершенно немыслимую для приличной птицы, а следом за ней, размахивая обнаженным клинком, мчалась разъяренная девица.

Погоня человека и курицы выглядела до безумия хаотично и уморительно.

Рано или поздно пыл должен был угаснуть.

Стоило Лю Сяовань остановиться, чтобы перевести дух, как выяснилось: серая бестия давно растворилась в воздухе.

Куда ни кинь взгляд — лишь угрюмые скалы да дикие заросли. От Чжоу Чэня не осталось и следа.

Когда гнев поутих и к ней вернулась способность мыслить здраво, девушку запоздало накрыло чувство вины.

Выслушав ее путанный рассказ, Чжоу Инь ровным голосом спросил:

— Почему ты сразу не отправила мне послание?

Лю Сяовань виновато опустила голову и пробормотала:

— Я... я побоялась, что вы там бьетесь не на жизнь, а на смерть. Вдруг мое послание отвлекло бы тебя в самый неподходящий момент?

Чжоу Инь лишь коротко кивнул, развернулся и зашагал прочь.

Лю Сяовань встревоженно окликнула его:

— Ты куда?

— Искать птицу, — бросил он, даже не обернувшись.

В эти дни в Школе Меча Зеркального Моря и без того царила великая смута.

Даже в угасающем ордене третьего эшелона, если сосчитать адептов внутреннего и внешнего кругов, набиралось добрых две сотни человек. И если раньше до младших учеников долетали лишь неясные слухи, то возвращение Лу Яньпина окончательно подтвердило худшие опасения. Людям спешно приходилось привыкать к мысли, что отныне они принадлежат Секте Высшего Сокровенного. Многих терзал страх: не станут ли их, нищих и обделенных талантом, шпынять и притеснять на новом месте? Разумеется, тренировки забросили все до единого. Ученики сновали туда-сюда, перешептывались по углам и жадно ловили любые крохи новостей, надеясь, что знание подарит им хоть какую-то опору.

Посреди этого всеобщего хаоса лишь Чжоу Инь оставался безучастным. Он планомерно обходил территорию ордена, заглядывая в самые глухие, безлюдные закоулки.

В его собственных комнатах — пусто.

В покоях Хуан Вэньцзюня и его соседей — ни следа.

Даже на кухне, где вечно крутился этот прожорливый паршивец, его не оказалось.

За полдня Чжоу Инь обшарил весь внутренний пик, заглянув под каждый камень.

Оставалось лишь два пути: либо наглого воришку кто-то поймал и припрятал, либо он сам сбежал на внешний пик, а то и вовсе подался на задний склон.

Первое казалось маловероятным. Чжоу Чэнь, пускай и рос тугодумом из-за неразвитого разума, все же не был круглым дураком. Он умел накладывать на себя простейшие чары невидимости, которым его обучил хозяин. К тому же, раз он помалкивал и не выдавал умения говорить по-человечески, вряд ли кто-то позарился бы на невзрачную серую птаху.

А вот второй вариант внушал опасения.

Задний склон горы переходил в дикие, тянущиеся на многие ли дебри Горного хребта Зеркального Моря — те самые места, где они когда-то повстречали Нью Юэ.